

„НАША ЧИТАЛЬНЯ“.

„Разсказъ сложа Тамти“.

„Сокровища старой кобры“.

РАЗСКАЗЫ

Редіарда Киплинга.

Томикъ второй.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“.

за 1904 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. Федорова-Давыдова.

„НАША ЧИТАЛЬНЯ“.

„Разсказъ слоха Тамми“.

„Сокровища старой кобры“.

РАЗСКАЗЫ

Редіарда Киплинга.

ТОМИКЪ ВТОРОЙ

Съ рисунками въ текетъ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“

за 1904 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. Оедорова-Давыдова.

„Визская“ школа „Визская“

„Сокровища старой Москвы“

Дозволено цензурою. Москва, 28 февраля 1904 г.

Редакция Книжки

Второй выпуск

Содержание

Содержание

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

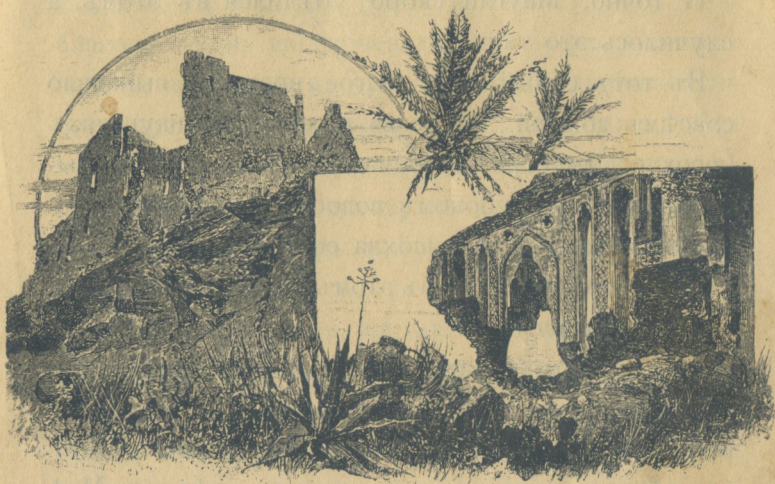
1904 г.

Второй выпуск

Второй выпуск

Разсказъ слона Гатти.

PACKED CHINA 1916

I.

Маугли жилъ да жилъ у Сеонійскаго племени волковъ и учился закону джунглей у сѣраго медвѣдя Балу. Много надо было выучивать наизусть правилъ, и мальчикъ часто терялъ всякое терпѣніе.

— Пойми,—объяснялъ ему медвѣдь,—что законъ обязателенъ для каждаго, и нельзя отказываться отъ него. Ты потомъ узнаешь, маленькій братъ, что всѣ живущіе въ джунгляхъ непремѣнно покоряются одному закону. Конечно, это бываетъ тогда именно, когда особенно тяжело становится жить намъ.

И точно, Маугли скоро убѣдился въ этомъ, а случилось это такъ.

Въ тотъ самый годъ долгое время не выпадало совсѣмъ дождей... Деревья и кусты въ джунгляхъ посохли; во многихъ водоемахъ стоячая вода пересыхала; даже въ глубокомъ водоемѣ у подножія Пчелиныхъ скалъ вода высохла совершенно.

Маугли разсказалъ объ этомъ Бало, и тотъ страшно взволновался.

— Надо бы бѣжать отсюда, искать лучшее мѣсто для охоты, гдѣ еще есть вода... Но ежели придется охотиться въ чуждыхъ владѣніяхъ, — мнѣ надо будетъ сражаться съ другими звѣрями. Мнѣ бы это ничего, — но ты-то, маленькій братъ, страдаешь при этомъ... Подождемъ еще немного, посмотримъ, что-то будетъ дальше.

А жара не утихала, она прямо-таки жгла все джунгли; растенія пожелтели, стали сухія-сухія; потомъ они побурѣли, а въ концѣ-концовъ стали черными; берега овраговъ потемнѣли, — всю траву выжгло на нихъ солнце; глубокія озерки на днѣ овраговъ пересохли совершенно; мясистые стебли лианъ спали на землю, къ корнямъ деревьевъ, вокругъ стволовъ которыхъ онѣ еще такъ недавно цѣпко обвивались; высохли и бамбуки, высохъ и мохъ, и облупился съ нагихъ раскаленныхъ утесовъ.

Обезьяны и птицы предчувствовали бѣду и заблаговременно перекочевали на сѣверъ. Олени и кабаны выбѣгали изъ опустѣвшихъ джунглей на погибшія отъ зноя поля, и тамъ они тоже гибли отъ жажды и голода, и люди даже не пытались преслѣдовать ихъ, потому что и они совершенно изнемогали отъ жары и буквально не могли нигдѣ найти себѣ мѣста.

А въ джунгляхъ на далекое разстояніе въ окружности все было выжжено зноемъ, такъ что травояднымъ животнымъ грозила голодная смерть. И всѣ обитатели джунглей обезсилили отъ голода до того, что не могли и подумать о перекочевкѣ на новыя пастбища, на новыя мѣста для охоты.

Маугли питался чѣмъ попало: и черный, какъ уголь, старый сотъ меда дикихъ пчелъ, и личинки насѣкомыхъ, и отрытые имъ въ землѣ корни—все шло ему на бѣду.

Всѣ обитатели джунглей сильно похудѣли, такъ какъ никто изъ нихъ не наѣдался до-сыта, а самое главное—не было нигдѣ воды; звѣри пьютъ рѣдко, но много, и это лишеніе замѣтно отражалось на нихъ.

Подъ гнетомъ зноя пересыхали не только маленькіе ручейки и озера, — пересыхали даже большіе потоки; еще въ Вайнъ-Ганги оставалась

вода, но и ея уровень съ каждымъ днемъ значительно понижался...

И вотъ, наконецъ, изъ водъ ея показалась острая, голубая вершина скалы, которая до тѣхъ поръ была скрыта уже нѣсколько десятковъ лѣтъ.

И тогда старый слонъ Гатти, которому давно уже минуло сто лѣтъ, сразу понялъ, что это обнаружился—Скала Мира и возгласилъ „Горе жажды“, какъ провозглашалъ то же самое его отецъ полвѣка тому назадъ. И подхватили его возгласъ кабаны, буйволы, олени, косули; подхватилъ его коршунъ Чиль, поднялся высоко - высоко надъ землею и, паря въ воздухѣ, повторилъ зловѣщее: „Горе жажды!“...

Законъ джунглей наказываютъ смертью того, кто во время такого общаго несчастья, какъ недостатокъ воды, на всеобщемъ водопоѣ убьетъ

себѣ на ѣду
другое живот-
ное. Когда
разныя живот-

ныя сходятся въ это время у воды,—никто не смѣетъ охотиться.

Въ обычное время олень или косуля, ночью отправляясь на водопой, рисковали жизнью каждый моментъ, но это-то особенно и нравилось имъ... Косуля идетъ какъ можно осторожнѣе, озираясь и вздрагивая при каждомъ малѣйшемъ шорохѣ, она боится стукнуть копытомъ, боится про шумѣть листвою, сквозь которую она пробирается.

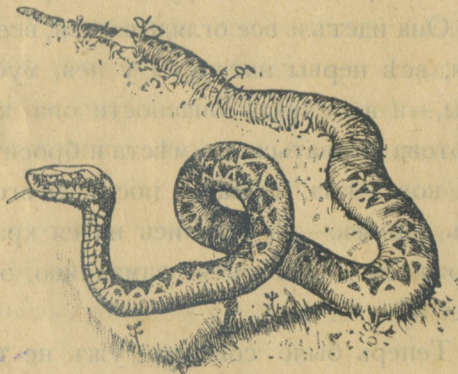
Она идетъ и все оглядывается, все прислушивается; всѣ нервы натянуты у нея, мускулы напряжены,—и въ случаѣ опасности она каждую секунду готова сорваться съ мѣста и броситься на-утекъ... И когда она, бывало, послѣ этого возвращалась къ своимъ,—тѣ дивились на ея храбрость и осторожность. Это ли не заманчиво, это ли не интересно?..

Теперь было совсѣмъ ужъ не то. Тигры, медвѣди, буйволы, кабаны, олени, лани и косули, истощенные, похудѣвшіе, сходились всѣ вмѣстѣ на берегу обмелѣвшей рѣки, пили мутную, грязную воду и ложились въ изнеможеніи тутъ же. И никто не думалъ о нападеніи и объ оборонѣ.

Одинаково плохо было всѣмъ имъ. Олени, косули тщетно разыскивали клочокъ свѣжей травы, что было бы повкуснѣе высохшихъ листьевъ и твер-

дой коры. Буйволы мѣста себѣ не находили,—такого болотистаго, сырого мѣста, гдѣ бы они могли освѣжиться. Змѣи изъ глуби джунглей сползли къ рѣкѣ за лягушками. Тамъ лежали они, обвившись вокругъ прибрежныхъ утесовъ; и когда кабанъ случайно тревожилъ ихъ, толкалъ ихъ,—онѣ и не думали обороняться, — тяжело было и такъ... Да, плохо было рѣшительно всѣмъ.

Разъ какъ-то ночью пришелъ къ Скалѣ Мира и Маугли; здѣсь было все-же веселѣе, чѣмъ въ опустѣвшихъ джунгляхъ. Онъ самъ страшно измѣнился; на немъ не было шерсти,—и вся худоба его была особенно замѣтна. Отъ солнца его волосы выгорѣли; ребра у него выпячивались, словно прутья корзины; его лопатки, плечи, колѣни выдавались отчетливо, а худыя руки и ноги казались узловатыми ліанами джунглей.

Только взоръ его былъ, какъ и всегда, холодный, спокойный и сосредоточенный. Хорошо еще,

что Баггера заботилась о немъ и посовѣтовала ему двигаться медленнѣе, не горячиться за охотой и не сердиться, — потому что все это страшно ослабляетъ человѣка, отнимаетъ у него послѣднія силы.

— Ой, какъ тяжело теперь! — сказала ему Баггера. — Конечно, наступить опять прохладная погода, и все оживетъ, да мы то, быть-можетъ, не переживемъ этого. Сытъ ли ты, маленькій братъ?

— Да ничего себѣ, Баггера. А скажи, неужели дожди совсѣмъ уже никогда не придутъ къ намъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, придутъ, конечно, и снова зазеленѣетъ все, и всѣ оживутъ и повеселѣютъ. А пойдемъ-ка къ рѣкѣ, къ Скалѣ Мира, — послушаемъ, о чемъ говорятъ тамъ.

Тихо спускались они къ рѣкѣ, съ трудомъ пробираясь въ чащѣ бамбуковъ. По дорогѣ къ нимъ присоединился вѣчно угрюмый Бало.

Отлогія песчаная отмели рѣки поросли высокимъ, твердымъ камышемъ, который теперь засохъ и закостенѣлъ. Лани, косули, кабаны, пробираясь къ рѣкѣ, проложили безконечное число корридоровъ въ десятифутовомъ камышѣ, который теперь уже не могъ выпрямиться и закрыть слѣды ихъ.

Было еще довольно рано; по всѣмъ этимъ корри-

дорамъ торопливо двигались темныя фигуры обитателей джунглей, поспѣшая на водопой...

А тамъ, на рѣкѣ, у Скалы Мира, уже стоялъ окруженный своими дѣтьми старый слонъ Гатти, поджидая гостей.

По своей общей привычкѣ они всѣ нетерпѣливо переступали съ ноги на ногу, и ихъ тяжелыя громоздкія фигуры медленно колыхались изъ стороны въ сторону. Дальше стояли лани, олени, косули, а затѣмъ—кабаны и буйволы. Весь берегъ напротивъ, гдѣ глухая чаща лѣса почти вплотную подступала къ рѣкѣ, былъ занятъ хищниками—тиграми, пантерами, медвѣдями, волками...

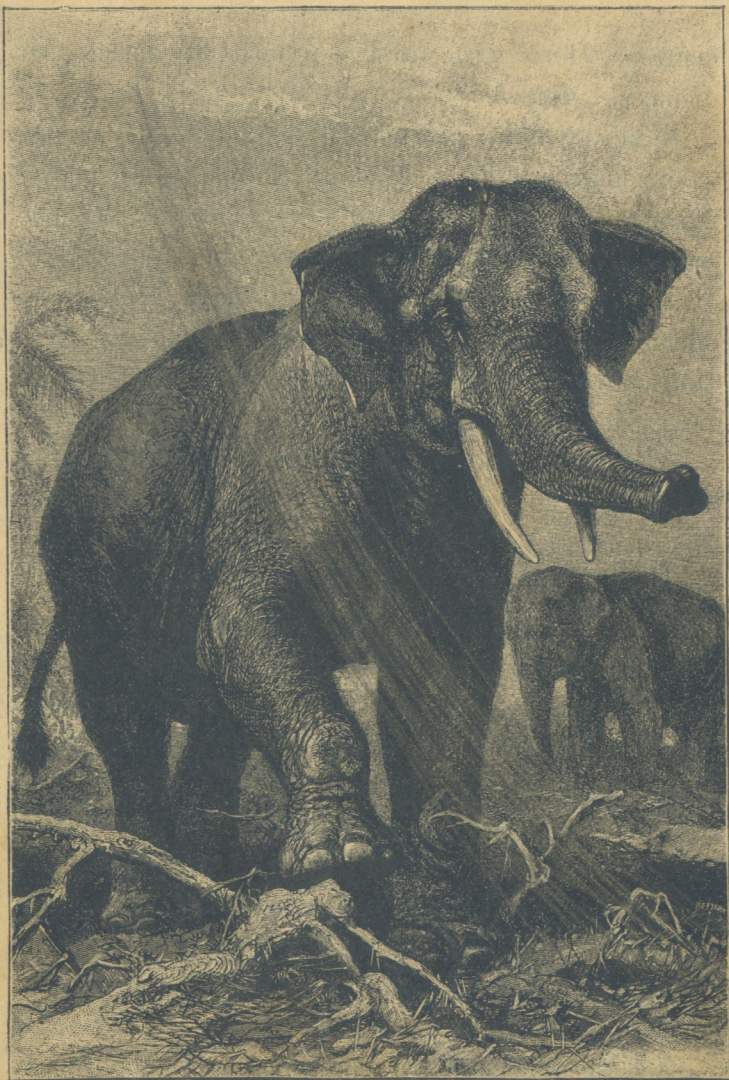
— Конечно, мы всѣ покорны закону, — промурлыкала Баггера, спускаясь въ воду и жадно озираясь на пугливыхъ ланей и косуль. — О, еслибы не это запрещеніе, — я бы бросилась на нихъ!..

Лани, косули сбились въ кучу и пугливо насторожили уши. Испуганный шепотъ пронесся въ ихъ толпѣ...

— Горе жажды теперь!.. Не забывай этого, Баггера!

— Тише, будьте спокойны! — проревѣлъ старый Гатти. — Баггера, вода не поднимается, и объ охотѣ и думать теперь нельзя.

— Я знаю это хорошо, Гатти! — промурлыкала

пантера. Чего ужъ,—ловлю и ѣмъ лягушекъ, черепакъ!.. Фи!..

А между тѣмъ разговоры завязались въ кругу собравшихся звѣрей. Кабаны ссорились и сердито хрюкали, оспаривая другъ у друга болѣе уютное мѣстечко на отмели; буйволы бормотали невѣдомо что, тяжело бродя вдоль отмели; лани, косули печально рассказывали другъ-другу, съ какимъ трудомъ имъ приходилось отыскивать въ джунгляхъ мало-мальски сносный кормъ.

А между тѣмъ горячій, душный вѣтеръ не утихалъ; онъ крутилъ песчаную пыль и тучу сухихъ листьевъ въ воздухѣ, шелестѣлъ засохшими вѣтками, и дышать было прямо невозможно.

— Люди тоже умираютъ отъ зноя, — сказалъ кто-то. — Когда я шелъ сюда, я видѣлъ, что трое изъ нихъ лежали около своихъ плуговъ безъ движенія, а рядомъ съ ними лежали ихъ рабочіе быки!..

— О, Гатти, была ли когда такая засуха? — воскликнулъ кто-то.

— Она скоро пройдетъ! — увѣренно сказалъ Гатти, обливая водою спину и бока.

— Если долго протянется эта жара, — маленькій братъ не выдержитъ, — сказалъ Балло.

— Я не выдержу? — гнѣвно вскрикнулъ Маугли. —

Конечно, я не обрость шерстью, но если бы снять шкуру съ тебя, Бало, то и ты...

Гатти содрогнулся отъ такой дерзости и не-тактичности Маугли.

— Маугли, — строго глядя на него, сказала Бало, — нехорошо говорить такъ съ учителемъ законовъ. Меня никогда еще не видали безъ шкуры...

— Я не обижаю тебя, Бало. Ты — словно кокосъ въ своей шелухѣ, тебѣ и жарко, а я кокосъ, но безъ шелухи...

Баггера, чтобы прекратить и замять этотъ острый разговоръ, неожиданно опрокинула Маугли въ воду.

— То надо снять шкуру съ Бало, то онъ кокосъ въ шелухѣ! — сердито сказала она. — Смотри, какъ бы тебѣ самому не пострадать отъ спѣлаго кокоса.

— Что же онъ можетъ мнѣ сдѣлать? — спросилъ Маугли, поднимаясь отъ воды и безъ страха подходя къ ней.

— Разбить тебѣ голову вдребезги! — хладнокровно и внушительно сказала Баггера и снова опрокинула его въ воду.

— Нехорошо смѣяться надъ учителемъ, — сказала Бало, какъ вдругъ его прервалъ ревъ тигра:

— Развѣ ты, Бало, не ожидалъ этого отъ него?

— И Ширъ-ханъ, хромая, сбѣжалъ къ самому берегу.—О, онъ только и дѣлаетъ, что рыщетъ повсюду да пересмѣиваетъ, какъ обезьяна, насъ, старыхъ охотниковъ, дергаетъ за усы непобѣдимыхъ пантеръ!..

Тигръ замолчалъ, опустилъ голову и сталъ лакать воду.

— Выдумали выкармливать человѣческихъ дѣтенышей въ джунгляхъ,—заворчалъ онъ, поднимая морду,—а ну-ка, посмотри мнѣ прямо въ глаза, маленькій братъ Маугли.

Взоръ Маугли открыто и пристально такъ и впился въ злобные плотоядные глазки Ширъ-хана, и тигръ не выдержалъ его взгляда и отвернулся...

— Всюду онъ да онъ,—проворчалъ Ширъ-ханъ, снова принимаясь лакать воду.—Какъ онъ смѣетъ не бояться меня? Скоро наступить время, что придется просить у него разрѣшенія воды напиться, пожалуй!..

— Да, можетъ - быть, и придется!—рѣзко сказала Баггера, сверкнувъ глазами на хищника.—Но что это ты сдѣлалъ съ водой, Ширъ-ханъ?

По теченію рѣки изъ-подъ морды тигра текли струйки воды темно-краснаго цвѣта...

— Это человѣческая кровь!.. Съ часъ назадъ я убилъ человѣка!..—рѣзко отчеканилъ Ширъ-ханъ.

Всѣ звѣри заволновались, затолпились, стали шептаться между собою...

— Онъ убилъ человѣка!.. Да, да, человѣка!—послышались голоса сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Только Гатти стоялъ спокойно, не выказывая ни гнѣва, ни безпокойства; онъ всегда, раньше чѣмъ рѣшать что-либо, тщательно обдумывалъ всѣ обстоятельства дѣла.

— Что же, развѣ тебѣ не за кѣмъ было охотиться? Развѣ можно убивать человѣка въ такое время?—съ презрѣніемъ проворчала Баггера, выходя изъ воды и отряхиваясь.

— Не для ѣды убилъ я человѣка; я убилъ его такъ, ради забавы.

Шопоть ужаса вихремъ пронесся надъ толпой собравшихся у рѣки звѣрей. Даже Гатти поднялъ голову и посмотрѣлъ на Ширъ-хана, поднялъ хоботъ и переспросилъ:

— Ты убилъ человѣка ради забавы?

— Да, это была—моя ночь, и я имѣлъ право убить человѣка!—отвѣчалъ тигръ.

— Я знаю это,—промолвилъ Гатти.—Ну, ты напился воды?

— Напился.

— Такъ иди прочь отсюда... Только лукавый тигръ могъ проявить свое право теперь, въ то время, когда и у насъ, и у людей—одно и то же горе, когда и мы, и они страдаютъ отъ одной бѣды... Иди къ себѣ, Ширъ-ханъ, слышишь ты?..

И словно громовой ударъ загремѣли эти слова стараго Гатти, а его дѣти отважно шагнули впередъ...

И Ширъ-ханъ не посмѣлъ послушаться, потому что слонъ Гатти былъ правитель джунглей... Безъ рева, опустивъ голову, съ позоромъ удалился приниженный тигръ...

— Послушай, — шепнулъ Маугли Баггеръ на ухо, — законъ джунглей гласитъ, что человѣка убивать позорно всегда. А Ширъ-ханъ сейчасъ говорилъ о какомъ-то его правѣ на то?

— Я не знаю, Маугли. Спроси самъ у слона Гатти,—отвѣтила съ досадой Баггера.

Далеко не всѣ осмѣлились бы спрашивать стараго Гатти о чемъ-нибудь. И Маугли нѣсколь-

ко времени набирался храбрости, прежде чѣмъ крикнулъ слону:

— О, Гатти, скажи намъ, о какомъ это правѣ говорилъ Ширъ-ханъ?

Никто изъ звѣрей тоже не зналъ объ этомъ ничего, а всѣ звѣри крайне любопытны, поэтому они тоже подали свой голосъ и нетерпѣливо ожидали отвѣта Гатти.

— Стойте тише,—сказалъ Гатти,—я вамъ расскажу эту старую исторію.

Нѣсколько мгновений звѣри возились, шумѣли, толкали другъ - друга, выбирая себѣ мѣсто, а потомъ вожди каждого племени крикнули:

— Мы слушаемъ всѣ, о, Гатти!..

Старый слонъ вошелъ въ воду по колѣни и задумался. Худъ былъ онъ, истощенъ; клыки его пожелтѣли отъ времени, и все-таки онъ былъ гордъ и величественъ, и всѣ видѣли въ немъ не простого слона, но владыку, правителя джунглей...

— Да,—началъ слонъ Гатти,—конечно, вы знаете, что нѣтъ никого и ничего страшнѣе для насъ, звѣрей, человека. Но вы не знаете, почему онъ внушилъ намъ этотъ страхъ. Такъ вотъ и слушайте меня. Давнымъ-давно поселились звѣри въ джунгляхъ, но никому невѣдомо, съ какихъ именно поръ; и тогда всѣ племена жили дружно и

согласно между собою и не остерегались другъ-друга, потому что они не знали, что значить бояться другъ-друга. Не бывало такого зноя и такой засухи тогда, и всѣ звѣри ѣли только траву, листья, плоды и мохъ. А главою всѣхъ, первымъ правителемъ джунглей, былъ слонъ Заа; говорятъ, онъ хоботомъ досталъ со дна рѣки наши джунгли... Онъ избороздилъ землю клыками, и въ тѣхъ мѣстахъ заструились рѣки; онъ топнулъ ногой, и засверкало озеро... А гдѣ чаща была глуше, тамъ онъ рубилъ своимъ хоботомъ, и деревья падали сами собою, какъ отъ страшнаго вихря.

И не было тогда ни воздѣланныхъ полей посаженъ, ни ими насаженныхъ злаковъ, ни ими выстроенныхъ хижинъ. Джунгли не знали человѣка, они жили своей тихой, мирной жизнью. Но мало-по-малу звѣри стали ссориться. Они облѣнились, пресытились. Имъ было лѣнь искать пастбища себѣ, и они хотѣли ѣсть то, что росло у нихъ подъ мордой, на томъ мѣстѣ, гдѣ они лежали.

У Заа было такъ много дѣла, что ему некогда было разбирать ихъ мелочныя ссоры, и тогда онъ опредѣлилъ имъ судьей и правителемъ джунглей перваго тигра. Росту этотъ тигръ былъ со слона, и ѣлъ онъ тоже растительную пищу, и былъ онъ

необычайно красивъ, въ родѣ желтаго цвѣтка ліаны, безъ единой черной полоски, безъ какой-либо отмѣтки... Всѣ шли безъ страха къ тигру и безпрекословно выполняли каждое его повелѣніе.

И поссорились разъ между собою двѣ лани и пришли судиться къ тигру. Но когда онѣ стали передавать ему все дѣло, то одна изъ нихъ, разгорячася, нечаянно ударила рогами тигра. И тотъ не сдержалъ себя, забылъ, что онъ—глава и судья ихъ, и убилъ неосторожную лань...

То было первое убійство въ нашихъ джунгляхъ. И самъ тигръ такъ испугался одного вида крови, что убѣжалъ изъ джунглей далеко на сѣверъ... А звѣри безъ главы и судьи стали ссориться, стали драться между собою.

Заа услышалъ шумъ битвы, пришелъ къ нимъ и, увидя убитую лань, спросилъ, кто сдѣлалъ это. Но звѣри отъ крови обезумѣли сами, бѣгали по всѣмъ джунглямъ и ничего не отвѣчали Заа. Тогда онъ велѣлъ ліанамъ, которыя свѣшивались съ деревьевъ до самой земли, отмѣтить убійцу, чтобы найти его и наказать потомъ...

— Итакъ, глава вашъ пропалъ! — сказалъ Заа звѣрямъ. Кто же займетъ его мѣсто?

— Я,—сказала обезьяна.

— Хорошо, — сказалъ Заа и ушелъ по своимъ

дѣламъ въ глубь джунглей. А когда онъ черезъ нѣкоторое время вернулся сюда, то увидѣлъ, что обезьяна, глава джунглей, корчитъ гримасы, прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку или виситъ на хвостѣ внизъ головой, насмѣхается надъ звѣрями, дразнить ихъ... Законы были забыты, шли только бессмысленные, безконечные разговоры.

И сказалъ тогда Заа звѣрямъ:

— Первый правитель выучилъ васъ убивать слабѣйшаго, второй опозорилъ васъ. Теперь я дамъ вамъ новаго правителя — *страхъ*. Вы узнаете его и сами почувствуете, что онъ сильнѣе васъ и что онъ долженъ быть вашимъ правителемъ.

— А гдѣ онъ?—спросили звѣри.

— Вы сами найдете его и узнаете его.

И вотъ черезъ нѣсколько дней пришли въ джунгли буйволы и рассказали, что они нашли *страхъ*, что онъ живетъ въ пещерѣ, весь голый и ходитъ на заднихъ ногахъ. Тогда всѣ звѣри пошли съ буйволами къ пещерѣ *страха*, а когда тотъ крикнулъ на нихъ, они опрометью бросились бѣжать отъ него... И всѣ звѣри раздѣлились на племена: кабаны—съ кабанами, лани—съ ланями, буйволы—съ буйволами,—чтобы стоять другъ за друга.

И узналъ о томъ тигръ и сказалъ:

— Кто этотъ страхъ?.. Я убью его!..

Всю ночь бѣжалъ онъ по джунглямъ къ пещерѣ страха, а лѣаны, касаясь его шкуры, отмѣчали черными полосами перваго убійцу въ джунгляхъ, и эти знаки остались у всѣхъ тигровъ до сихъ поръ...

Онъ подлетѣлъ къ пещерѣ, но тутъ къ нему вышелъ *страхъ* и крикнулъ:

— Уходи прочь, ночной полосатый разбойникъ!..

И тигръ такъ испугался этого существа, что безъ оглядки, съ жалобнымъ воемъ умчался на сѣверъ, въ свое логово...

Его вой услышалъ даже Заа и спросилъ его:

— Что ты воешь?.. Что съ тобою?..

— Облеки меня прежней властью, Заа!—взвылъ тигръ.—Я убѣжалъ отъ этого *страха*, который назвалъ меня обиднымъ прозвищемъ, и мнѣ совѣстно передъ всѣми звѣрями...

— А почему ты сталъ такой полосатый?—спросилъ Заа.

— Это грязь болотъ, гдѣ я живу теперь, испестрила меня такъ.

— Пойди окунись въ воду и вываляйся на травѣ; если это грязь, то она должна сойти съ тебя.

Но сколько ни катался тигръ по травѣ,—ни еди-

ная полоска, ни единая отмѣтинка не сошла съ его шерсти.

— Я вижу,—сказаль Заа,—что это ты убилъ лань; убійство это породило въ звѣряхъ страхъ, и каждое племя джунглей теперь боится другого такъ же, какъ боишься ты *страха*.

— Нѣтъ, они меня не боятся, они меня знаютъ хорошо!—сказаль тигръ.

— Попробуй созвать ихъ!—сказаль Заа.—Подойдутъ ли они къ тебѣ!..

Тигръ бросился въ джунгли, сталъ звать всѣхъ звѣрей; но сколько ни звалъ онъ, сколько ни ревѣлъ онъ, сколько ни созывалъ звѣрей джунглей,—тѣми овладѣлъ страхъ смерти, и они бѣжали и укрывались въ потайныхъ мѣстахъ отъ бывшего ихъ покровителя и судьи.

Съ горечью, съ надломленной гордостью вернулся тигръ къ Заа.

— О, Заа, — воскликнулъ онъ, царапая землю когтями,—верни мнѣ мою прежнюю власть, чтобы потомки мои знали впослѣдствіи, было то время, когда я не вѣдалъ позора и страха.

— Хорошо,—сказаль Заа,—одна ночь въ году будетъ твоя. Тогда если ты встрѣтишься со *страхомъ*, котораго зовутъ *человѣкомъ*, то онъ по-

чувствуетъ страхъ передъ тобой, а ты будешь надъ нимъ владычествовать, какъ прежде. Но ты самъ испыталъ страхъ, поэтому тогда ты долженъ будешь пощадить, пожалѣть человѣка.

И тигръ обѣщалъ ему это, но когда онъ пилъ воду въ рѣкѣ, то увидалъ внезапно отраженіе въ водѣ,—эти позорныя черныя полосы на его шкурѣ, —и страшное, бывшее бѣшенство вернулось къ нему съ прежней силой.

Прошло около года, а тигръ терпѣливо ждалъ, когда, наконецъ, слонъ Заа исполнить свое обѣщаніе. И вотъ, наконецъ, наступила эта ночь,—та ночь, когда звѣзда Венера отдаляется на сѣверъ отъ джунглей... И внезапно тигръ почувствовалъ въ себѣ такую отвагу, такую силу, что понялъ, что эта ночь принадлежитъ ему. И, словно бѣшеный, онъ бросился къ пещерѣ человѣка. И когда человѣкъ увидѣлъ его, онъ весь затрепеталъ отъ страха и палъ передъ нимъ ницъ на землю, какъ обѣщалъ то слонъ Заа.

Но тигръ забылъ наставленіе Заа: онъ не пощадилъ человѣка, а набросился на него и растерзалъ его.

Тигръ думалъ, что въ джунгляхъ живетъ всего-на-всего только одинъ человѣкъ; онъ думалъ, что если убьетъ его, то освободить всѣ джунгли и себя отъ страха, котораго зовутъ человѣкомъ.

Онъ гордо выпрямился надъ нимъ, когда къ нему приблизился Заа.

— Такъ вотъ ты какъ умѣешь щадить? — сказалъ Заа.

— Я уничтожилъ страхъ,—гордо сказалъ тигръ.

— Глупецъ! Ты научилъ убійству и человѣка. Смерть станетъ преслѣдовать теперь тебя по пятамъ!..

— Нѣтъ,—сказалъ тигръ,—теперь уже нѣтъ страха, я опять могу стать судьей и правителемъ джунглей.

— Старого не вернуть,—замѣтилъ Заа,—звѣри не пойдутъ къ тебѣ никогда, не станутъ пастись около тѣхъ мѣстъ, гдѣ поселишься ты. Одинъ человѣкъ будетъ преслѣдовать тебя, и дойдетъ дѣло до того, что человѣкъ будетъ сдирать съ тебя шкуру и завертывать въ нее своихъ дѣтей, согрѣвая ихъ. Ты не пожалѣлъ его, не пощадилъ его,—не будетъ и тебѣ отъ него пощады. Только одна ночь останется твоей... Ты убилъ одного человѣка, а ихъ много...

Въ это время уже занималась заря. Прошла ночь владычества тигра... Изъ пещеры вышелъ еще человѣкъ. Увидѣвъ тигра и убитого человека около него, онъ взялъ острую палку и ловко бросилъ ея въ тигра... И палка глубоко вонзилась

звѣрю въ бокъ... Онъ метался, обливаясь кровью и издавая стоны, пока не вытащилъ оружія чело-вѣка вонъ... И узнали звѣри, что чело-вѣкъ умѣетъ драться, стоя далеко отъ противника, и еще болѣе прониклись страхомъ къ нему.

Знайте же вы всѣ, что это тигръ научилъ чело-вѣка убивать другихъ, обороняя себя... Чело-вѣкъ строить западни, мечетъ острые палки, бросаетъ въ насъ чѣмъ-тожигающимъ насъ, приносить алый цвѣтокъ, выгоняя имъ насъ изъ джунглей, изъ-за одного тигра страдаемъ теперь мы всѣ. И только разъ въ году чело-вѣкъ опасается тиг-ра,—въ ту ночь владычества тигра. И тогда уже тигръ никогда не щадитъ чело-вѣка...

— Но,—сказалъ Маугли,—мы всѣ знаемъ, что тигръ убиваетъ чело-вѣка не одинъ разъ въ году, а чаще гораздо.

— Это правда,—отвѣтилъ Гатти,—но тогда онъ нападаетъ на него изъ засады, неожиданно. А въ свою ночь тигръ смѣло идетъ въ поселокъ чело-вѣка, лѣзетъ въ хижины, нападаетъ на чело-вѣка безъ страха... А въ остальное время онъ боится его... Стоитъ чело-вѣку посмотреть ему прямо въ лицо,—онъ ощущаетъ безотчетный страхъ, отво-рачиваетъ голову и готовъ бѣжать отъ него прочь.

— Понимаю,—сказалъ Маугли,—оттого, зна-

чить, Ширъ-ханъ и хотѣлъ посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза,—испытать себя хотѣлъ... Да не удалось ему. Онъ моего взгляда не выдержалъ... А я ужъ бы ни за что не упалъ къ его ногамъ.

— Что же, тигръ знаетъ, когда должна быть его ночь?—спросила черная пантера.

— Нѣтъ, не знаетъ... Онъ только слѣдитъ за его завѣтной звѣздой, и когда наступитъ время его господства, ощущаетъ внезапно неожиданное мужество въ себѣ.

— Знаютъ люди эту исторію?..

— Конечно, нѣтъ... Только тигры знали да мы, дѣти перваго слона Заа. Вы теперь знаете тоже.

— А отчего тигръ не ѣлъ листьевъ и травы потомъ, какъ прежде?—спросилъ Маугли у Бало.— Онъ только убилъ лань, а ея не ѣлъ?

— Тигръ разгнѣвался на ліаны и на растенія за то, что они его отмѣтили убійцей и разбойникомъ. Онъ сталъ уничтожать ланей, оленей, косулей, которые щиплютъ траву и листья, чтобы отплатить имъ,—сказалъ ему Бало, который тоже зналъ эту исторію, но до сего времени хранилъ ее про себя, какъ величайшую тайну.

Сокровища старой Кобры.

Мѣняя кожу, змѣя вообще бываетъ какъ-то особенно раздражительна; нервное напряженіе приводитъ ее въ мрачное состояніе. Питонъ Каа, который жилъ на утесѣ, находился именно въ такомъ состояніи, потому что онъ только-что перемѣнилъ свою кожу, а совершилъ онъ этотъ актъ уже въ сотый разъ въ теченіе своей жизни.

Маугли явился къ нему послѣ полудня провѣдать и поздравить его, и Каа съ радостью встрѣтилъ Маугли и сталъ рассказывать ему обо всѣхъ новостяхъ, которыя только доходили до его слуха. Онъ зналъ очень много—этотъ старый, издававшій на своемъ вѣку виды питонъ Каа.

Каа нѣжно обвилъ своими страшными, холодными кольцами мальчика, а тотъ преспокойно и удобно усѣлся на нихъ.

— Какая славная у тебя кожа!—сказалъ Маугли, разглядывая и глядя старую кожу Каа, лежавшую тутъ же, на утесѣ.—А неправда ли, какъ странно

видѣть чью-нибудь верхнюю оболочку. когда она бываетъ снята съ головы до ногъ...

— Конечно,—сказалъ Каа,—только у меня вѣдь нѣтъ ногъ... А скажи пожалуйста, ты развѣ никогда не ощущаешь того, что кожа твоя старѣетъ и становится грубой?

— Иногда ощущаю это; тогда я купаюсь, Каа. А правда, въ иную пору, когда бываетъ особенно жарко, я бы съ радостью скинулъ съ себя кожу совсѣмъ. То-то бы легко мнѣ было!

— А что, маленькій братъ, нравится тебѣ моя новая кожа?

Мальчикъ нѣжно погладилъ кожу огромнаго питона, испещренную красивыми, таинственными знаками.

— Да, славная кожа у тебя, Каа,—сказалъ Маугли. — У черепахи кожа на много толще, да она далеко не такъ красива; у лягушекъ—и красива, и изящна, да она не такая прочная, какъ у тебя... Нѣтъ, твоя лучше.

— Пойдемъ купаться,—произнесъ Каа.—Новая кожа бываетъ сначала тусклая, а стоитъ обмыть ее водою, какъ всѣ краски ея пріобрѣтаютъ особую яркость...

— Я тебя снесу, Каа,—промолвилъ Маугли, и, усмѣхаясь, онъ сталъ пытаться приподнять хоть

одно кольцо Каа, который продолжалъ лежать безъ движенія и съ легкой насмѣшкой наблюдалъ за Маугли...

Они такъ сдружились между собою, что часто устраивали цѣлыя игры. Мальчикъ и страшный питонъ начинали бороться между собою, одинъ передъ другимъ выказывая свою ловкость, силу, быстроту и вѣрность глаза. Каа, шутя, нападалъ на Маугли, не пуская въ ходъ и малой части своей страшной силы, благодаря которой ему бы ничего не стоило одолѣть не одного Маугли, а нѣсколькихъ человѣкъ. Отъ этихъ игръ въ мальчикѣ развивалась гибкость, ловкость и осторожность.

Часто Каа обвивалъ своими страшными кольцами всего мальчика, который тщетно старался высвободить руки и стиснуть руками горло питона... Внезапно Каа весь развертывался и скользилъ съ быстротой молніи къ высокому утесу; мальчикъ со всѣхъ ногъ бросался къ нему, стараясь схватить его за хвостъ.

— Держись, маленькій братецъ! — шипѣлъ Каа, увертываясь отъ дѣтскихъ рукъ Маугли и ловко нанося ему удары своей головой...

А потомъ онъ начиналъ толкать его изъ стороны въ сторону съ быстротой молніи, потомъ подбра-

ПИТОНЪ.

сывалъ его вверхъ на высоту нѣсколькихъ сажень и подхватывалъ его на свои мягкія кольца.

Наконецъ, послѣ долгой игры они оба устали и отправились купаться на темное, глубокое озеро. Оно со всѣхъ сторонъ было окружено мрачными, обрывистыми утесами и развѣсистыми, дуплистыми деревьями.

Поспѣшно опустился въ воду Маугли, какъ учили его тому обитатели джунглей, неслышно нырнулъ, проплылъ подъ водой и снова беззвучно вынырнулъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ озера.

Потомъ онъ легъ на спину, закинулъ обѣ руки за голову и устремилъ глаза на полную, блѣдную луну, которая медленно поднималась надъ черными силуэтами скалъ. Каа тоже неслышно подплылъ къ нему и осторожно положилъ ему на плечо свою плоскую голову.

— Какъ хорошо-то!—сказалъ Маугли.—Прохладно, дышется легко, и какъ весь сразу отдыхаешь!..

— Значить, джунгли тебѣ очень нравятся, Маугли, и ты ничего больше не желаешь?—спросилъ Каа.

— Нѣтъ, я многого желаю,—отвѣтилъ мальчикъ.—Я силенъ, мнѣ хочется бороться, стоять за себя... Бывало, не удастся охота,—хочешь убить хоть козу; а убьешь козу,—начинаешь думать о

лани... Все, понимаешь, хочется бóльшаго. Когда дожди заливали насъ, я хотѣлъ, чтобы солнце свѣтило, а во время зноя я ждалъ и не могъ дожждаться дождя... А то еще чего мнѣ желать? Я живу на свободѣ, въ джунгляхъ, меня любите всѣ вы...

— А одна кобра говорила мнѣ,—задумчиво произнесъ Каа,—про тебя совсѣмъ другое. Три-четыре мѣсяца тому назадъ охотился я за обезьянами въ ихъ городѣ... И одна изъ нихъ скрылась отъ меня въ томъ полуразрушенномъ зданіи, гдѣ,—помнишь?—сидѣлъ ты... Она скрылась тамъ подъ землей, въ нору. Я, конечно, полѣзъ за ней и убилъ ее... Потомъ выпался и полѣзъ дальше подъ землю. Ползъ, ползъ и добрался до жилища бѣлой кобры. Она долго разговаривала со мною о разныхъ вещахъ, о которыхъ я никакого понятія не имѣлъ; она показывала какіе-то предметы, невиданные мною до тѣхъ поръ. Если бы я попробовалъ ихъ, то, конечно, переломалъ бы себѣ всѣ зубы о нихъ... Между тѣмъ мнѣ бѣлая кобра говорила, что только за то, чтобы взглянуть на нихъ, всякій человѣкъ охотно заплатилъ бы жизнью... Ну, а ужъ бѣлая кобра знаетъ людей куда какъ хорошо!

— А я бы посмотрѣлъ,—сказалъ Маугли,—вѣдь вотъ говорятъ, что и я человѣкъ...

— Ты слушай только дальше. Вотъ видишь ли мы долго толковали съ старой коброй; я ей о тебѣ сказалъ, а она и говорить:—„Охъ, я давно уже не видала людей; пускай онъ придетъ ко мнѣ, и я покажу ему всѣ эти вещи... Много людей жизнь бы отдали за самую ничтожную изъ этихъ вещей. Но что это,—я тебѣ объяснить не могу. Это только не дичь и не ѣда какая-нибудь.

— Пойдемъ туда!— воскликнулъ Маугли.—Никогда я не видалъ бѣлой кобры, и мнѣ хочется посмотрѣть на нее и на эти странныя вещи... И что же, она ихъ убиваетъ?

— О, нѣтъ, эти вещи не живыя, она только охраняетъ ихъ...

— Ну, идемъ...

И Маугли выплылъ на берегъ, вывалялся въ тра-

вѣ, и затѣмъ они оба отправились къ городу обезьянъ племени Бандарь-Логъ.

Тамъ уже теперь не было обезьянъ, — онѣ переселились въ чашу джунглей,—

и полная луна уныло озаряла блѣднымъ, холоднымъ свѣтомъ пустыя развалины стараго города.

Каа всползъ на обрушенную стѣну, скользнулъ по грудѣ щебня и нырнулъ внизъ по обвалившейся лѣстницѣ, которая вела подземнымъ ходомъ въ подземную кладовую.

— „И вы, и я; и я, и вы

„Одной мы съ вами, кобры, крови!“

—воскликнулъ Маугли змѣиный призывъ, опустился на колѣни и на четверенькахъ отправился слѣдомъ за Каа.

Извилисто шелъ покатый ходъ, сворачивая нѣсколько разъ въ сторону и снова выпрямляясь; въ концѣ его путники пролѣзли черезъ довольно большое отверстіе и попали въ просторную пещеру, куполъ которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ далъ трещины и пропускалъ сюда слабый, умирающій свѣтъ.

— Тутъ хорошо!—сказалъ Маугли, поднимаясь на ноги.—Ну, что же мы будемъ смотрѣть здѣсь?..

— А меня-то?—раздался вдругъ страшный, свистящій голосъ въ глубинѣ пещеры, и что-то бѣлое, прозрачное зашевелилось въ темнотѣ, и передъ Маугли внезапно безшумно поднялась на своихъ кольцахъ огромнаго размѣра бѣлая кобра.

Она побѣлѣла отъ постоянной жизни здѣсь, въ

темнотѣ; даже знакъ очковъ на ея шеѣ-шляпѣ выцвѣлъ отъ времени, мрака и сырости... Красные глаза ея сверкали драгоценными рубинами; на нее любоваться и точно слѣдовало...

— Желаю тебѣ удачной охоты, бѣлая кобра!..— воскликнулъ Маугли.

— Разскажите мнѣ, какой городъ надо мной и моей пещерой?—живо спросила бѣлая кобра вмѣсто отвѣта.—Я отъ времени потеряла слухъ, да и много дней прошло съ той поры, какъ я слышала въ послѣдній разъ шумъ и звонъ оружія передъ битвой. Неправда ли, онъ такъ же огражденъ неприступными стѣнами; такъ же много тамъ, безъ счету слоновъ, лошадей, скота!..

— Нѣтъ, — сказалъ Маугли, — надъ нами — джунгли и развалины. Изъ слоновъ я знаю только нашего главу Гатти и его сильныхъ сыновей.

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, — осторожно замѣтилъ Каа, — что

города, о которомъ ты говоришь, уже больше нѣтъ...

Но кобра и слушать его не хотѣла и не вѣрила ему.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорила она,—я знаю, здѣсь большой городъ съ крѣпкими стѣнами. Его выстроили давно-давно, когда еще дѣдъ мой не вылупился изъ яйца... А стоять онъ будетъ тоже долго-долго, пока внуки мои не побѣлѣютъ отъ старости такъ же, какъ я. Но кто вы? А?

— Мы попали сюда случайно,—отвѣтилъ Маугли и обратился къ Каа: —Я не понимаю ее совсѣмъ.

— Да, она очень стара,—это оттого,—отвѣтилъ Каа и обратился къ кобрѣ:—Слушай, бѣлая кобра, я же тебѣ говорю, что надъ нами нѣтъ уже города, а всюду одни джунгли.

— А кто это—онъ, который сидитъ передо мною, не боясь меня?—спросила кобра, указывая на мальчика.—Онъ говоритъ по-нашему, но человѣческими устами.

— Я—Маугли, изъ джунглей, мое племя—племя волковъ, а добрый Каа—мой братъ. Скажи мнѣ, кто ты.

— Я — хранитель королевскихъ сокровищъ... Раджа-Кейюрунъ сложилъ ихъ здѣсь. То было давно, когда еще кожа была у меня темная. И

здѣсь оставилъ онъ меня, чтобы никого не подпускать къ его сокровищамъ и убивать всѣхъ, кто къ нимъ ни притронется. Входъ ко мнѣ завалили камнемъ, и я осталась здѣсь... Нѣсколько разъ пробовали поднимать его, но каждый разъ его оставляли на мѣстѣ по-прежнему, потому что всѣмъ было страшно имѣть дѣло со мной. Знаешь ли ты, что здѣсь, у меня,— такое страшное богатство, какому нѣтъ равнаго нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ. Уже давно теперь камень не поднимали, и думается мнѣ такъ, что обо мнѣ забыли совсѣмъ. Раза два, впрочемъ, люди пробирались-таки ко мнѣ; молча входили они сюда, но когда я внезапно поднималась передъ ними во мракѣ бѣлымъ призракомъ,—они поднимали отчаянный крикъ, но кричали недолго,— я скоро успокаивала ихъ и навсегда. А вы, человѣкъ и змѣя, приходите сюда и увѣряете меня, что города нѣтъ и надо мной никого нѣтъ и что мнѣ не надо стеречь сокровищъ. Но это ложь!.. Пока не поднимуть камень и не сойдутъ брамины съ священными пѣснями и не напоятъ меня теплымъ молокомъ,—я одна останусь единымъ хранителемъ этихъ королевскихъ сокровищъ. Ты, человѣкъ съ змѣинымъ языкомъ, бери отсюда, что ты хочешь, если ты только сумѣешь выйти отсюда живымъ прежнимъ путемъ.

— Эта кобра—безумная!—воскликнулъ Маугли.
—Я не вижу ничего здѣсь такого, что стоило бы
взять съ собою.

— Этотъ человѣкъ просто жаждетъ смерти,—
гнѣвно зашипѣла бѣлая кобра.—Прежде чѣмъ ты
умрешь, я окажу тебѣ большую милость, маль-
чикъ. Посмотри вокругъ: ничего подобнаго еще
никогда не видалъ человѣкъ.

— Ну, въ джунгляхъ мнѣ никто не оказывалъ
еще милости,—проворчалъ Маугли.— Но хорошо,
я посмотрю, что такое ты бережешь, если это те-
бѣ будетъ пріятно.

И, нахмурясь, онъ оглянулся. Весь полъ пещеры
былъ заваленъ слоємъ почти въ сажень толщины
золотыхъ и серебряныхъ монетъ, которыя выва-
лились изъ прогнившихъ мѣшковъ, сваленныхъ
сюда много-много лѣтъ тому назадъ. На грудахъ
денегъ были брошены роскошныя, литого серебра
сѣдла королевскихъ слоновъ, съ литыми барелье-
фами изъ чистаго золота, украшенныя драгоцен-
ными камнями, рубинами и бирюзой; были сереб-
ряныя эмальированныя носилки, балдахины, руч-
ки которыхъ были выточены изъ нефрита и
янтаря; валялись грудой золотые подсвѣчники съ
подвѣсками-изумрудами, идола боговъ, почти въ
сажень вышиною, изъ серебра, съ драгоценными

камнями на мѣстѣ глазъ, рыцарскіе доспѣхи изъ стали и золота, всѣ убранные гирляндами изъ жемчуга, головныя украшенія съ ярко-алыми рубинами, щиты съ литой изъ золота инкрустаціей. между которой были вправлены огромные изумруды; тутъ небрежно валялись ворохами сабли, ятаганы, кинжалы, чаши, ковши, жертвенники причудливыхъ формъ и рисунковъ, кубки, браслеты, кольца для носа, рукъ, драгоценные пояса,

всѣ украшенные рубинами, брилліантами, и стояли цѣлые ряды деревянныхъ сундуковъ, связанные стальными

полосами; дерево уже сгнило и превратилось въ труху, а подъ ней виднѣлись груды рубиновъ, сапфировъ, брилліантовъ, изумрудовъ и опаловъ.

Цѣлые вѣка собирались эти несмѣтныя сокровища, и цѣны имъ не было, если бы перевести ихъ на деньги. Однѣхъ монетъ было свалено тамъ до пятнадцати тысячъ пудовъ... И бѣлая кобра была права, говоря, что она охраняетъ несмѣтное сокровище.

И до сихъ поръ въ Индіи у туземныхъ королей существуетъ привычка хранить въ тайнѣ груды золота, серебра и драгоценныхъ камней.

Часто нашествіе одного племени на область другого заставляетъ правителя осаждаемой области откупаться отъ мощнаго врага, которому онъ и посылаетъ въ видѣ выкупа съ полсотни нагруженныхъ серебромъ повозокъ.

Но Маугли совершенно не понималъ, что значили для людей эти богатства. Поднялъ, было, онъ ножъ, — да тотъ оказался легче его ножа, и Маугли съ досадой швырнулъ его на землю. И вдругъ онъ нагнулся и поднялъ интересную вещь, которая остановила на себѣ его вниманіе. То былъ анкъ — остроконечная палка съ отогнутымъ острымъ крюкомъ; анкомъ управляютъ слонами и погоняютъ ихъ. Онъ былъ сдѣланъ изъ бѣлой слоновой кости, оконечность его — изъ стали, выложенной золотомъ, а на немъ были вылиты барельефы, изображавшіе сцены изъ охоты на слоновъ; верхушка его была вырублена изъ крупнаго цѣльнаго рубина, рукоятка была обложена бирюзой, а дальше извивалась гирлянда рубиновыхъ цвѣтовъ на изумрудныхъ листьяхъ.

Маугли поднялъ и внимательно разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ.

— Ага!—сказала бѣлая кобра, извиваясь у его ногъ. — Что же, не стоить развѣ пожертвовать жизнью, чтобы овладѣть этими сокровищами?.. Вотъ какую великую милость оказываю тебѣ я!

— Я не понимаю ихъ,—молвилъ Маугли,—ѣсть ихъ нельзя, они сухи, холодны и безвкусны. Только вотъ эту штуку я взялъ бы съ собой посмотреть, какъ выглядить она на солнцѣ. Если ты дашь мнѣ ее, я принесу тебѣ много-много лягушекъ для ѣды.

Бѣлая кобра такъ и вскинулась и ядовито улыбнулась.

— И его, и все, что тутъ только есть, я отдамъ тебѣ, когда ты станешь уходить отсюда!—сказала она.

— Да я сейчасъ и уйду. Здѣсь холодно, сыро, темно, и я хочу въ джунгли, гдѣ такъ привольно и хорошо.

— Посмотри подъ ноги, что тамъ лежитъ. Маугли наклонился.

— Это человѣческій черепъ, а рядомъ съ нимъ еще одинъ,—сказалъ онъ.

— Люди много разъ приходили сюда за сокровищами, и всѣ они легли здѣсь у меня мертвыми.

— Да мнѣ они и не нужны; отдашь ты мнѣ эту вещь, хорошо, не отдашь,—мнѣ все равно. Со

змѣями я не борюсь,—я знаю изреченія твоего племени...

— Здѣсь одно только слово всесильно—мое!..

Сверкая глазами, Каа бросился къ ней.

— Ты просила меня привести сюда человѣка,—гнѣвно зашипѣлъ онъ,—а ты хочешь убить его? Какъ же я вернусь къ своимъ и объявлю имъ, что повелъ его на вѣрную смерть?

— Какое мнѣ дѣло до того, пойдешь ты отсюда или нѣтъ,—вонъ пробоина въ стѣнѣ, уходи черезъ нее... Молчи лучше!.. Стоить мнѣ укусить тебѣ шею, и ты никогда не увидишь джунглей!.. Лучше посмотри, Каа, какъ будетъ бѣгать отъ меня мальчикъ, спасая свою жизнь. Ну, бѣги, что ли, по пещерѣ, мальчикъ!..

Маугли тихо и спокойно опустилъ руку на голову Каа.

— До сихъ поръ бѣлая кобра вспоминаетъ о людяхъ,—сказалъ онъ.—Ты хочешь биться со мною? Хорошо, пусть оно такъ и будетъ...

И Маугли съ силой взмахнулъ анкомъ и ловко метнулъ его въ кобру, такъ что острый анкъ впился въ шею ея и словно пригвоздилъ ее къ землѣ. Съ быстротой молніи Каа набросился на нее и навалился всей своей тяжестью, и бившаяся, извивавшаяся кобра затихла; только глаза ея горѣли

огонькомъ, и она бѣшено била головой изъ стороны въ сторону.

— Убей ее!—прошипѣлъ Каа.

— Нѣтъ, — сказалъ Маугли, — я убиваю только для бды...

Схвативъ змѣю за шею, онъ помощью ножа открылъ ей ротъ и показалъ Каа ядовитые зубы бѣлой кобры.

— Посмотри сюда, Каа.

Ядовитые зубы уже сгнили и почернѣли, ядъ отъ времени потерялъ свою силу: бѣлая кобра пережила свою власть и силу.

— Твой ядъ пропалъ, — произнесъ Маугли, освобождая кобру отъ анка. — Пусти, Каа, ее... Для обереганія этихъ сокровищъ нуженъ другой хранитель... Но ты плохо поступила со мной, бѣлая кобра; теперь побѣгай отъ меня немножко...

— Я опозорена, я уничтожена; лучше убей меня сейчасъ же на мѣстѣ!—прошептала кобра.

— Нѣтъ, довольно говорить о смерти, — сказалъ Маугли, — мы уходимъ отъ тебя, и я беру эту вещь, потому что я отвоевалъ ее у тебя.

— Будь остороженъ, Маугли, она убьетъ тебя... Это — сама смерть и есть. Недолго ты будешь обладать ею, и всѣ, кто ни получаютъ ее послѣ тебя,

умрутъ. Да, я потеряла силу, но анкъ отплатить тебѣ за меня, потому что это—сама смерть...

И она въ безсильной злости грызла своими неядовитыми зубами золотыя лица лежащихъ на грудяхъ золота и серебра идоловъ.

Полной грудью вздохнулъ Маугли, когда они вышли на волю; вздохнулъ легко и Каа... А когда они очутились въ джунгляхъ, и въ солнечныхъ лучахъ заигралъ живымъ огнемъ огромный рубинъ анка и вся его драгоценная рукоятка,—Маугли себя не помнилъ отъ радости...

— Ярче глазъ Баггеры блеститъ эта штука!—весело воскликнулъ онъ, играя анкомъ.—Что это кобра хотѣла сказать о смерти?

— Почему я знаю,—отвѣтилъ Каа,—а жаль, что ты не убилъ ея совсѣмъ. Тамъ всюду зло—и на землѣ, и въ глубинѣ ея... Ты будешь со мною охотиться?

— Нѣтъ, я пойду къ Баггерѣ и покажу ей эту штуку... Удачной охоты тебѣ, Каа...

И Маугли бросился бѣжать въ чашу джунглей, подбрасывая анкъ и любясь его игрой на солнцѣ.

Онъ нашелъ Баггера у рѣки.

Онъ сталъ рассказывать о томъ, что съ нимъ было, и Баггера внимательно слушала его и въ концѣ его рѣчи одобрительно замурлыкала.

— Скажи, Баггера, что хотѣла сказать бѣлая кобра?—спросилъ Маугли.

— Я, Маугли, родилась въ клѣткѣ, въ королевскомъ зоологическомъ саду Удейтпура... Я хорошо знаю людей,—знаю, что изъ-за одного такого камешка они способны убить троихъ и больше себя подобныхъ...

— Отъ этого камня только тяжеле эта вещь, и знаешь, мой ножикъ гораздо лучше его, да и на ѣду этотъ камень совсѣмъ не годится.

— Да люди убиваютъ другъ-друга вовсе не изъ-за ѣды.

— Значить, они охотятся отъ бездѣлья и ради забавы? А для чего сдѣлана эта палка, Баггера?

— Люди этимъ разбиваютъ въ кровь головы слонамъ, чтобы они выучились человѣческимъ законамъ... У нихъ нѣтъ ни зубовъ, ни когтей острыхъ, такъ вотъ они и дѣлаютъ такія вещи, которыми они убиваютъ и ранятъ...

— Какъ только до людей коснется или до вещей, сдѣланныхъ ими,—такъ всюду одна кровь и кровь. Право, знай я это, ни за что бы не взялъ этого оружія,—съ отвращеніемъ сказалъ Маугли, —да и не хочу я носить его съ собою... Ну его!..

Онъ махнулъ анкомъ,—и тотъ, сверкая, отлетѣлъ далеко-далеко и упалъ въ гущину деревьевъ...

— Теперь я освободился отъ смерти, — сказалъ весело Маугли и вытеръ ладони о росистую траву.

— Ну, маленькій братецъ, я устала и хочу спать, — сказала Баггера и побѣжала къ себѣ въ берлогу.

Маугли взлѣзъ высоко на дерево, связалъ между собою лапы, устроивъ изъ нихъ качающуюся койку, вытянулся въ ней и тотчасъ забылся глубокимъ сномъ, а когда онъ проснулся, то прежде всего вспомнилъ о брошенномъ имъ анкѣ.

— Надо пойти посмотрѣть его, — сказалъ онъ, слѣзая внизъ, гдѣ его уже поджидала пантера.

— Гдѣ же эта страшная вещь, которая пьетъ кровь? — спросилъ ее Маугли.

— Ее поднялъ и унесъ съ собою какой-то человекъ. Посмотри, — вотъ его слѣды.

— Ну, теперь я узнаю, правду ли говорила мнѣ бѣлая кобра: если это была смерть, то человекъ непременно умереть отъ нея.

— Прежде чѣмъ бѣжать за нимъ, надо утолить голодъ, — сказала Баггера. — Люди ходятъ тихо, и мы найдемъ его по слѣдамъ и попозже.

Часа черезъ три они поѣли, напились, потому что торопиться во время ѣды не слѣдуетъ, по правиламъ джунглей, и тронулись въ путь.

Черная пантера бѣжала впереди, низко опустивъ морду и внимательно всматриваясь въ человѣческіе слѣды...

— Онъ шелъ одинъ и несъ, вѣроятно, что-нибудь тяжелое. Смотри, какіе глубокіе слѣды отъ его ногъ...

Луна свѣтила ярко-ярко, и они шли по слѣдамъ скорымъ охотничьимъ ходомъ.

— Вотъ теперь онъ бѣжитъ скоро, — молвилъ Маугли, — пальцы на ногахъ раздвинуты, вотъ теперь онъ въ сторону свернулъ...

— Погоди-ка! — крикнула Баггера и прыгнула въ сторону.

— Эге, — закричала она, — тутъ идетъ чей-то другой слѣдъ, и посмотри, — навстрѣчу первому!

Маугли припалъ къ землѣ.

— Это — ступня меньше... Ага, широкая ступня хотѣла убѣжать отъ узкой ступни, оттого такъ круто и свернулъ въ сторону первый слѣдъ.

— Да, — сказала черная пантера, — только чтобы намъ съ тобой не сбиться, я буду слѣдить за широкой ступней, а ты — за маленькой...

Баггера бросилась по своему слѣду; Маугли остановился у слѣдовъ отъ маленькой ступни...

— Маугли, — крикнула Баггера, — широкая ступня свернула въ сторону, спряталась за утесомъ и

выжидаетъ!.. Она замерла на мѣстѣ, съ ноги на ногу даже переступить не рѣшается.

— А узкая ступня подбѣжала къ этому утесу,—отвѣтилъ Маугли, идя по слѣду,—сѣла подъ нимъ, уперлась рукой о выступъ скалы, лукъ прислонила къ скалѣ и ждала долго-долго, такъ-что слѣды ногъ здѣсь стали очень глубокими.

— Выжидала и моя широкая ступня,—отвѣтила Баггера,—потомъ приложила она эту острую вещь къ утесу, потому что, когда она слегка скользнула, то оставила на камнѣ легкую царапину. А у тебя что тамъ, Маугли?

— Да вотъ тутъ сломаны двѣ-три вѣтки и большой сукъ... И... да, это очевидно: узкая ступня стала уходить отсюда и нарочно сильно топала ногами, шумѣла, ломала кусты, чтобы напугать своего противника. Потомъ она шла,—шла до того мѣста, гдѣ грохотъ падающей воды не заглушалъ ея шаговъ и тутъ остановилась и стала чего-то ждать.

Баггера долго бѣгала то туда, то сюда, и, наконецъ, крикнула:

— Широкая ступня опустилась на колѣни и поползла изъ-за утеса, волоча за собою подарокъ кобры. Потомъ вдругъ поднялась на ноги и побѣжала,—во весь духъ побѣжала отсюда... Ну и я

по этому слѣду побѣгу, а ты, Маугли, бѣги по своему слѣду...

Нѣсколько минутъ они молча бѣжали по своимъ слѣдамъ, и когда Баггера окликнула Маугли, тотъ оказался отъ нея на разстояніи трехсотъ сажень...

— Ага! — проревѣла Баггера. — Они, значитъ, бѣжали по одному направленію, но постепенно сближались одинъ съ другимъ...

Пробѣжали еще версты три, все сходясь и сходясь... И вдругъ Маугли остановился и крикнулъ:

— Стой!.. Вотъ они гдѣ встрѣтились! Видишь, вотъ гдѣ узкая ступня стала на камень. А вонъ и широкая ступня лежитъ на землѣ безъ всякаго движенія.

И точно, — около сбитыхъ обломковъ скалы, не вдалекѣ отъ нихъ, раскинулся убитый стрѣлою туземецъ...

— Ты видишь, Маугли, старая кобра была права. Вотъ уже одна смерть у насъ передъ глазами, — сказала Баггера.

— Ну, идемъ дальше... Куда могла дѣваться та страшная острая палка?

— Конечно, ее взяла съ собою узкая ступня... Видишь, куда пошелъ ея слѣдъ.

Для остраго, внимательнаго взгляда нашихъ

слѣдопытовъ ясно было замѣтно, что убійца туземца несъ тяжелый анкъ на лѣвомъ плечѣ, потому что лѣвая нога оставила болѣе глубокой отпечатокъ...

Они довольно долго шли по этому слѣду, пока не спустились въ лощину, на днѣ которой сѣрымъ пятномъ выдѣлялось мѣсто, гдѣ раньше былъ разведенъ костеръ, а теперь оставалась только кучка золы и пепла.

— Смотри, Маугли! — промурлыкала Баггера, останавливаясь, видимо, глубоко пораженная.

Около костра лежалъ распростертый туземецъ, неестественно протянувъ ноги къ костру.

— Несчастнаго убили бамбуковой палкой, — тихо сказалъ Маугли. — Знаешь, я сожалѣю о томъ, что смѣялся надъ бѣлой коброй; оказывается, что она много лучше насъ знаетъ людей, которые убиваютъ другъ-друга не изъ-за чего...

— За тѣ зеленые и красные камни бьютъ люди другъ-друга... — сказала Баггера.

— Смотри, сколько слѣдовъ, — произнесъ, разглядывая землю, Маугли, — тутъ видно четыре слѣда, и ноги не босые, а одѣтые во что-то. И знаешь что, — они не сразу напали на него и убили его, а раньше разговаривали съ нимъ. Ну, пойдемъ къ себѣ, довольно ужъ...

— Нѣтъ,— сказала Баггера, — ужъ если начали охоту, такъ ее нельзя бросать на полдорогѣ. Надо дальше прослѣдить... Эти новыя ноги не могли уйти далеко отсюда.

И они быстро пошли дальше и шли долго, около часу, по явственнымъ слѣдамъ. Солнце уже высоко поднялось, и установился знойный, веселый день.

— Пахнетъ дымомъ!—воскликнула вдругъ черная пантера.

— Вѣрно, опять гдѣ-нибудь люди ѣдятъ,—это они любятъ,—замѣтилъ Маугли, какъ вдругъ Баггера, бѣжавшая въ сторонѣ отъ него, словно замерла на мѣстѣ.

— Ну, этому человѣку ужъ никогда не захочется ѣсть!—воскликнула она.

Подъ развѣсистымъ кустомъ лежалъ какой-то человѣкъ, одѣтый въ яркое платье; вокругъ него была просыпана мука.

— Вѣроятно, онъ несъ имъ ѣду, а они напали на него, отняли блестящую палку, а его убили...

— Значить, это уже третья жертва по счету,— замѣтила Баггера.

— Да, да, старая кобра была права... За это я снесу ей вкусныхъ жирныхъ лягушекъ,— пробормоталъ Маугли.

моталъ какъ бы про себя Маугли.—Дѣйствительно, это сама смерть и есть.

— Идемъ дальше!..

Но и трехъ верстъ не прошли они, какъ услышали карканье ворона на вершинѣ томаринда, у корней котораго вокругъ потухающаго костра лежали три убитыхъ человѣка. Надъ костромъ висѣлъ котелокъ, въ которомъ лежала подогрѣтая лепешка, а около убитыхъ, словно гордясь своей силой, весь сіялъ и игралъ на солнцѣ своими драгоценными украшеніями чудный анкъ.

— Какая жадная эта палочка!—промолвила черная пантера.—Но отчего они умерли? На нихъ не видно никакихъ знаковъ...

Маугли повелъ носомъ, отломилъ кусокъ лепешки, взялъ въ ротъ и выплюнулъ его.

Въ джунгляхъ всѣ очень хорошо угадываютъ ядовитыя травы и растенія, и Маугли сразу узналъ, въ чемъ дѣло.

— Это — дурманъ. Убійца узкой ступни подмѣшалъ это ядовитое растеніе къ лепешкѣ, а эти люди убили его и сами потомъ отравились.

— Вотъ это такъ охота,—одна смерть спѣшить за другой!—взревѣла черная пантера.—Что же, теперь мы съ тобой будемъ драться изъ-за этой штуки?

— Баггера, а не обидѣлъ ли я *его*, что бросилъ въ чашу, и потомъ — умѣетъ онъ говорить или нѣтъ?—опасливо, тихо сказалъ Маугли. — Биться изъ-за него мы, конечно, съ тобой не станемъ, но что съ нимъ сдѣлать? Оставить его тутъ, — такъ онъ снова пойдетъ убивать людей... Нѣтъ, въ этомъ я одинъ виноватъ... Нечего приносить въ джунгли никакихъ невиданныхъ тамъ, хотя бы самыхъ роскошныхъ вещей. А эту штуку, —добавилъ онъ, поднимая чудный, но страшный анкъ,—я снесу и отдамъ старой кобрѣ, пусть она ее хранитъ у себя по-прежнему. Только прежде намъ надо отдохнуть. Послушай, Баггера, пойдѣ вырой вонъ тамъ яму, да поглубже, и зароемъ въ нее эту жадную до крови штуку, а то она убѣжитъ отсюда и убьетъ еще шестерыхъ.

— Охъ, Маугли, — сказала пантера,—она-то не виновата нисколько!.. Виноваты въ своей смерти сами же люди.

Прошли ночи двѣ послѣ этой охоты. Бѣлая кобра лежала у себя въ темной пещерѣ, вся отдавшись горькому отчаянію. Она съ горечью вспоминала похищенный у нея драгоценный анкъ и свой недавній позоръ во время столкновенія съ Маугли и Каа. Какъ вдругъ въ трещину пещеры влетѣлъ тотъ самый завѣтный анкъ и съ громомъ упалъ на груды золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

— Старая, мудрая кобра,—раздался вслѣдъ за тѣмъ звонкій голосъ Маугли,—вотъ тебѣ назадъ твой страшный подарокъ. Найди себѣ на него другого охотника, а мнѣ онъ не нуженъ. Ты была права, — это она, сама смерть. Она убила уже шестерыхъ!.. Не выпускай ее отъ себя никогда больше на бѣлый свѣтъ!..

— Ага! Онъ вернулся ко мнѣ!—радостно зашипѣла старая кобра, обвиваясь вокругъ страшнаго анка. — Я знала, что ты не сумѣешь ладить съ нимъ и вернешь его мнѣ обратно...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Разсказъ слона „Гатти“	5
II. Сокровища старой кобры	33

